

ЮНОСТЬ ПИКАССО
В ПАРИЖЕ

ГЕРИ
ВАН ХААС

Гэри Ван Хаас
Юность Пикассо в Париже
Серия «Роман-биография. Свидетели эпохи»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6883288
Юность Пикассо в Париже: Эксмо; М.; 2014
ISBN 978-5-699-61405-9

Аннотация

Книги серии «Роман-биография. Свидетели эпохи» повествуют о знаковых культурных событиях прошлого: об ушедших эпохах, подаривших миру гениев искусства, о жизни великих художников и о судьбах их шедевров. Книга «Юность Пикассо в Париже» рассказывает волнующую историю о молодых годах Пабло Пикассо – художника, ставшего великим, открыв новый путь в искусстве.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гэри Ван Хаас

Юность Пикассо в Париже

Предисловие

Существуют боги, и существуют смертные. Лишь немногим из людей удастся достичь божественных высот – как загадочному испанскому художнику Пабло Пикассо.

Родившись в Малаге – небольшом городке, он путем целеустремленной и методичной работы медленно, но уверенно добился в живописи непревзойденных высот. Однако о ранних годах Пикассо, которые сформировали его талант, о том времени, когда он разрабатывал свой динамичный, мощный, характерный стиль, до сих пор известно совсем немного, а ведь именно в тот период одаренный молодой художник превратился в мыслящего и талантливое мастера, каким ему и предназначалось стать. Автор этой книги – американский писатель и сценарист Гэри Ван Хаас постарался воссоздать историю пути юного Пикассо к славе. Роман можно считать достоверным, не принимая во внимание авторской трактовки некоторых фактов.

Юный испанский художник с отчаянным нравом и пылким сердцем приехал в Париж, будто ступив на залитую солнцем арену корриды – он готов дразнить этого быка и выйти из боя победителем.

Этот город закалил его характер и вознаградил его славой.

Пролог

В мае 1925 года в непринужденной атмосфере довольно душного, многолюдного Парижского салона собралась группа представителей консервативной элиты от искусства, чтобы обсудить странную кубистическую картину Пикассо размером 96 на 92 дюйма¹, изображающую проституток в борделе. Изначально работа была названа «Авиньонский бордель», но стала известна как «Авиньонские девицы».

На картине изображены пять обнаженных женщин, проституток из борделя, расположенного на Авиньонской улице в Барселоне. Все персонажи написаны в тревожной, дерзкой манере и лишены какой бы то ни было женственности. Угловатые, почти уродливые очертания женских тел производят довольно устрашающее впечатление. Лица двух девушек будто скрыты под причудливыми африканскими масками. Остальные «девицы» написаны в иберийском стиле, характерном для Испании – родины художника, они выглядят дикими и свирепыми.

Эта картина Пикассо представляет собой уникальный образец примитивизма – направления, которое пренебрегает законами перспективы в пользу двухмерного плоскостного изображения. Это полотно возвестило о принципиальном отходе молодого художника от традиционной европейской живописи. У современников «Девицы» вызвали возмущение, теперь же они считаются одним из революционных произведений Пикассо, возвестивших пришествие современного искусства.

Граф Реджинальд Данелли Марбур, красивый молодой денди двадцати с лишним, франко-итальянский аристократ, богач, разглядывал картину, опершись на трость. Одетый официально – во фрак и белый жилет с галстуком, в модной шляпе «хомбург» из черного фетра – он рассматривал новую работу Пикассо с особым интересом.

Марбур беседовал со степенной грузной женщиной лет тридцати пяти, стоявшей рядом. То была Гертруда Стайн – известный коллекционер и знаток искусства. Волосы ее были беспощадно стянуты на затылке в тугий узел.

Герти, как ее ласково называли друзья, никогда не носила ни украшений, ни вычурных нарядов, одеваясь подчеркнуто скромно – не то что праздные дамы тех лет. Наряженные в модные платья S-образного силуэта с глубоким декольте, они с надменным видом прогуливались по бульварам, выставляя под нескромные взгляды полную грудь и плавные изгибы бедер. Кроме того, Герти явно пренебрегала духами, предпочитая естественный запах тела.

– Честно говоря, – сказал граф Марбур, равнодушно осматривая «Авиньонских девиц» и прижимая к своему орлиному носу душистый носовой платок, – я совершенно не возьму в толк, отчего такая шумиха по поводу этой картины, но также я не понимаю и самой картины. Умоляю, объясните мне ее загадку.

Гертруда искоса взглянула на собеседника, будто прощая ему невежество.

– Чтобы понять Пикассо, нужно иметь представление об истоках его творчества, – бросила она и повернулась, собираясь уйти, но любопытный граф, который решил, будто чем-то обидел даму, придерживая шляпу, поспешил следом за ней. Когда Гертруда проворно проходила под колючими розовыми шпалерами, обрамлявшими садовую дорожку, граф окликнул ее.

– Подождите, Герти. Пойдемте вместе, – попросил он, – я хочу все о нем разузнать, вы меня заинтриговали.

¹ 244 × 234 см.

Стайн остановилась, на ее полном лице появилась снисходительная улыбка, она покачала головой, будто мать, решившая уступить капризу ребенка.

– Идите, присядьте подле меня, – пригласила Гертруда, взяв графа за руку и опуская свое широкое тело на зеленую садовую скамью. – Все началось давным-давно, еще в Малаге...

Глава 1 Малага 1881 год

Будущий художник родился в час рассвета, когда в скалистом приморском городе Малага, расположенном в Андалузии, большое ленивое красное солнце тихо восходило огненным шаром над величественными горами, освещая малонаселенное южное побережье в районе Сьерра-Невады. Когда солнце поднялось выше, вдали сквозь серый туман проступили Средиземное море и Атласские горы.

Пабло Пикассо появился на свет 25 октября 1881 года. Он был крещен как Пабло Диего Хосе Франсиско де Паула Хуан Непомусено Мария де лос Ремедиос Сиприано де ла Санти-сима Тринидад Мартир Патрисио Клито Руис-и-Пикассо. Никто потом не называл его этим длинным именем, младенца нарекли им только в дань давней испанской традиции. Такие имена обычно представляли собой случайную комбинацию из имен почитаемых святых и близких родственников крещаемого. Центральная часть имени, данного Пабло, повторяла имена его родителей: так было принято.

Отца мальчика звали Руисом, он происходил из испанского аристократического рода, а имя Пикассо досталось сыну от матери. Юный Пабло, родившийся в городе Малаге, был первенцем дона Хосе Руиса-и-Бласко и его жены Марии Пикассо-и-Лопес.

Семья Пабло принадлежала к среднему классу, но имела тесные связи в академических и художественных кругах. Отец его был уважаемым в своем городе живописцем. Писал он преимущественно природу, птиц и прочую живность. Также Хосе Руис преподавал основы живописи детям. В 1891 году семья переехала в Барселону, в район Ла Корунья, где отец почти целыми днями вел занятия в художественной школе Ла Лотья. Помимо обучения детей, он также выполнял обязанности хранителя коллекции живописи местного музея искусств.

По воскресеньям семья посещала церковь. По субботам же каждую неделю проходили бои быков, куда водили и маленького Пабло.

Коррида как часть испанской культуры известна с 711 года, когда ее впервые провели во время празднования коронации Альфонсо VIII. Вскоре это зрелище завоевало огромную популярность, и каждую неделю тысячи испанцев устремлялись к местным аренам.

Изначально в боях с быками участвовали только аристократы, чаще всего верхом на лошадях, но Филипп V после своей коронации запретил знати выступать на таких представлениях, считая, что они тем самым развращают публику. После указа короля бой быков стал

развлечением простонародья, а поскольку лошади стоили дорого, то участники выходили на арену пешими, безо всякой защиты, в связи с чем коррида преобразовалась в искусство увертываться от быков.

Это кровавое зрелище, несомненно, произвело сильное впечатление на юного Пабло и навсегда запечатлелось в его душе.

Однажды, обычным солнечным утром, зимой 1891 года, в мирном приморском городе, по почти сельской, мощеной, но ухабистой улице Ла Корунья шли, выкрикивая названия своих товаров, торговцы. В старых телегах, влекомых лошадьми, лежали овощи, фрукты, керамика.

Несколько маленьких детей из христианской школы, одетые в яркую свеженакрахмаленную сине-белую форму, распевали церковный гимн, в ногу шагая по направлению к часовне под предводительством двух угрюмых пожилых монахинь в черной одежде и белокрылых головных уборах. Один из малышей немного отстал, и суровая монахиня с хворостиной в руке отправила его назад, в конец процессии.

Проходя под аркой, дети взглянули вверх, на высокие шпили испанского собора XIV века, который возвышался над ними. Страшные горгульи и лица святых свирепо и неодобрительно смотрели на них.

Монах в бурой рясе поднялся на колокольню и приступил к своей ежедневной обязанности – тянуть за веревки чугунных колоколов, звон которых разливался по улицам огромного Мадрида.

В доме на соседней улице открылись старые, выбеленные солнцем ставни, и в окне появилось усатое лицо Хосе Руиса. Ему немногим больше тридцати лет, у него густые черные волосы и борода. Он не особенно красив в классическом смысле слова, но обладает определенным изяществом осанки и уверенностью, которую дает общественное положение.

Радуюсь новому дню, Хосе выглянул из окна своей квартиры на втором этаже и помахал рукой торговцу овощами. Тот поприветствовал его в ответ.

– *Buena manana*², сеньор Руис! Вам сегодня нужны свежие овощи? У меня славные зрелые красные помидоры, лимоны, желтые, как солнце Малаги, блестящие сине-черные баклажаны, огурцы, зеленые, как глаза Мадонны! Что выберете?

– *Nada*³, Хуан! Может быть, завтра: я скажу сеньоре, чтобы она составила список. Всего доброго!

Хосе вернулся в комнату, где его ждала уютная семейная сцена: восьмилетний Пабло расположился на полу и рисовал свою младшую сестренку Кончиту. У девочки были прелестные голубые глаза и длинные шелковистые черные волосы, но лицо бледное, а под глазами – темные круги, отчего вид у малышки был очень болезненный. Одета в ночную рубашку из розового ситца, она лежала на бежевом диване, укрытая толстым шерстяным одеялом.

– Когда-нибудь, Пабло, ты станешь знаменитым, – сказала Кончита.

– А ты будешь моей любимой моделью, – ответил Пабло. Погруженный в свои мысли, он быстро взглядывал на сестру и вновь опускал глаза, набрасывая на бумаге ее лицо.

Отец прошел по комнате, тихонько встал позади Пабло и стал наблюдать за тем, как тот рисует. Хосе кивнул, будто желая показать жене, что одобряет работу сына. Мария в это время вязала свитер, сидя в кресле рядом с детьми. Кончита глубоко и резко закашлялась, и родители обменялись тревожными взглядами.

– Ты приняла лекарство? – спросил Хосе и приложил руку ко лбу дочки, чтобы проверить, какая у нее температура.

² Доброе утро (*исп.*).

³ Ничего (*исп.*).

– Это лекарство, кажется, больше не действует, – сказала Кончита и заплакала.

Пабло положил на пол альбом, продвинулся к сестре и стал гладить ее по голове. Кончита грустно смотрела в окно на холодное зимнее утро.

– Деревья кажутся совсем голыми. Пабло, мне так грустно! Я боюсь, что уже не увижу весны.

Дрожь пробежала по телу мальчика: его испугали эти слова.

– Не надо так говорить, мое сокровище. Бог защитит тебя.

Но Пабло знал правду и боялся за сестру. Он тоже посмотрел в замерзшее окно, у него в глазах появились слезы, капнули на набросок, и серые чернила рекой расплылись по контурам нарисованных щек.

– Ну, смотри, что ты наделала, – сказал Пабло, утирая слезы. – Испортила мне рисунок.

– Бедный Пабло. Я знаю, ты будешь по мне скучать.

Мальчик тряхнул головой. Ему нечего было ответить, и он изобразил улыбку.

– Мама лечит тебя, мама – лучший доктор в Малаге. Все будет хорошо, вот увидишь.

Кончита опустила голову на мягкую подушку.

– Я так устала...

В воздухе витал запах смерти. Пабло старался скрывать свои чувства, хотя сердце его рвалось на части.

Кончита сняла с шеи тоненькую золотую цепочку с медальоном и вложила ее в руку Пабло.

– Храни это и помни меня... всегда...

Пабло посмотрел на медальон, где было выгравировано имя сестры, и сунул его обратно в ее маленькую руку.

– Нет, Кончита! Если с тобой что-то случится, клянусь, я брошу рисовать.

У него свело живот от этой мысли. Он положил альбом на пол.

– Ты не должна так говорить. Ты должна молиться, и Господь тебе поможет. Обещай мне...

Кончита снова закашлялась и снова вложила медальон в руку брата.

– Пожалуйста! Ты должна стараться, должна выздороветь, – настаивал Пабло, заключив сестру в объятия и крепко прижав ее к себе. – Не бойся, малышка. Господь не позволит, чтобы с тобой что-то случилось. Он заботится о таких маленьких ангелах, как ты.

– Так ты напишешь меня в виде ангела?

– Да, в виде ангела, – сказал Пабло и начал нежно покачивать сестру в своих объятиях. Он укачивал ее до тех пор, пока она не начала засыпать. – Конечно, буду. Ангел мой! Я не хочу, чтобы ты думала о таких печальных вещах. Я так тебя люблю!

Пабло укутал Кончиту одеялом, встал и, подойдя к окну, молитвенно сложив руки, невидящим взглядом уставился на голые зимние деревья.

– Господи, пожалуйста, помоги моей малышке! – тихонько прошептал он.

Глава 2 Похороны

Прошло несколько дней. Пабло в той же позе стоял у того же окна, его руки так же были сложены для молитвы. Он смотрел на улицу с растерянным выражением лица. Он плакал, а за окном завывал холодный злой ветер.

Легкий снег укрыл землю белым саваном. Мимо дома шла похоронная процессия. Почти все были в черном. Впереди шествовал не старый еще священник. Он следовал за длинным черным катафалком, запряженным лошадьми.

Когда открылась дверь и отец с матерью в черных одеждах медленно вошли в комнату, Пабло обернулся. Лицо отца было измученным, постаревшим: казалось, родители совершенно сломлены.

Мать подошла к Пабло, но он отстранился, замкнувшись в себе, раздавленный горем потери маленькой сестры. При виде сына, отец чувствовал, как слезы наворачиваются на глаза. Он хорошо понимал, сколь глубоко поразила Пабло смерть девочки.

– Сынок, я понимаю, что ты испытываешь, но иногда жизнь не подчиняется нашим желаниям и поступает по своим законам. Мы должны хранить веру в Бога, у которого на все есть свои причины.

Но эти слова повисли в воздухе. Пабло их не услышал. Он молча, погрузившись в себя, сидел в углу, не желая ни с кем разговаривать. Немного погодя он встал, подошел к столу, выдвинул ящик, достал оттуда свои старые наброски Кончиты и горько заплакал. Мальчик впервые в жизни столкнулся со смертью, и ему казалось, что Бог покинул его.

– Папа, почему Бог ее забрал? Она была такой маленькой, такой хорошей...

Хосе нежно обнял сына.

– Я понимаю, ты сейчас готов проклинать Бога. От этого становится легче, но у Него, должно быть, свои причины на то, чтобы забрать ее у нас.

Пабло недоверчиво взглянул на отца.

А Хосе наклонился, чтобы получше рассмотреть набросок сына, и тот протянул ему листок. Хосе передал рисунок жене. То был прекрасный портрет Кончиты в виде крылатого ангела, летящего в облаках.

Мать заплакала и протянула руки к Пабло. Он подошел и обнял ее.

– Вот, Пабло, ты и сделал Кончиту вечной, – сказала мать. – Она всегда будет жить в наших сердцах.

* * *

Впоследствии говорили, что смерть Кончиты от дифтерии очень сильно травмировала Пабло, и впоследствии это печальное событие наложило отпечаток на все его отношения с женщинами, в которых он видел либо богинь, либо шлюх. С возрастом Пикассо увлекался все более и более молодыми женщинами: в них он искал чистоты и детской невинности своей умершей сестры, которую обожал.

Глава 3 Барселона 1895 год

В конце 1800-х годов бесподобная солнечная Барселона была одним из самых изысканных испанских городов и оживленнейшим портом южного побережья. На ее мощеных улицах, в летнее время особенно наводненных людьми, располагались множество ресторанов, магазинов и баров. В далеком прошлом Барселона была римским городом, а в Средние века через нее прошел большой торговый путь, и здесь часто останавливались купцы. Городские мастера строили здесь самые большие в Европе здания – удивительной, невиданной сюрреалистической архитектуры. К их числу относилась и Саграда Фамилия – церковь, построенная Антонио Гауди.

Пышный расцвет изобразительного искусства и архитектуры Барселоны пришелся на конец XIX века. Этот город является столицей Каталонии – региона со своим собственным языком, своим характером и своей историей. Некоторые каталонцы даже считали свою родину с ее чистыми пляжами, курортом Сиджес и горой Монсеррат независимой территорией.

В возрасте четырнадцати лет Пабло превзошел сам себя, написав «Портрет тети Пепы», полный энергии и драматизма. Один критик впоследствии причислил эту работу к ряду «величайших произведений в истории испанской живописи». Молодой художник показал, каким могучим потенциалом он обладает. Пришло время продолжить образование в сфере изобразительного искусства.

В престижной Академии изящных искусств Барселоны для группы примерно из двадцати студентов позировала молодая обнаженная натурщица. Сосредоточенные студенты напряженно трудились у мольбертов. Стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом кистей. По залу прохаживался пожилой седовласый преподаватель в синей блузе. Он подходил к каждому из юных художников и критически разглядывал их работы. Внезапно преподаватель остановился – при взгляде на работу одного из студентов у него загорелись глаза. Он стоял у мольберта Пабло Пикассо, которому тогда было всего лишь шестнадцать лет.

Профессор жестом позвал двух других студентов, чтобы те посмотрели на прекрасное изображение обнаженной модели. По лицам юношей было видно, что они оценили работу товарища, а Пабло все продолжал рисовать, не обращая внимания на зрителей, собравшихся у него за спиной.

Пожилой преподаватель, впечатленный увиденным, положил руку на плечо юноши, осторожно снял работу с мольберта и подумал: «Удивительно... И чему я могу научить этого мальчика? Ведь он давно превзошел уровень, на который рассчитаны наши задания».

Войдя в гостиную своего дома, Хосе Руис, в длинной белой блузе, испачканной краской, с палитрой и кистями в руках, внезапно остановился позади сына и заглянул ему через плечо. Пабло решил немного изменить старый набросок белого голубя, который Хосе сделал несколько месяцев тому назад.

Мужчина вздохнул: великолепное качество работы сына произвело на него сильнейшее впечатление. Под рукой Пабло голубь будто ожил.

Юноша взглянул на отца, ожидая одобрения, но Хосе, казалось, утратил дар речи. Он ничего не сказал, пораженный мыслью, что сын превзошел его в мастерстве художника, покачал головой и положил перед Пабло свою палитру и кисти.

– Что такое, отец? Это же твои любимые инструменты.